

ФОТОРОБОТ РОССИЙСКОГО ОБЫВАТЕЛЯ

НОВАЯ ГАЗЕТА, ЛЕВАДА-ЦЕНТР

Часть 1. АДАПТАЦИЯ

К РЕПРЕССИВНОМУ ГОСУДАРСТВУ¹

Почему в нашей стране выборы опять превратились в непристойную и многих устраивающую формальность? Куда исчезли полнокровная политическая жизнь и публичная борьба мнений? Где прячется наше российское гражданское общество и общество вообще – без прилагательных? Почему складывается устойчивое ощущение, что большинству наших соотечественников все, извините, «по фигу»?

Вопросов масса, а ответы от тех, кому такое положение дел не нравится, следуют уныло однообразные: во всем виноваты власть, режим, система и далее по списку. Конечно, власть у нас сегодня, да и вообще традиционно в России, увы, ни особым воображением, ни необычайным стремлением быть услышанной своими соотечественниками не отличается.

Ну а соотечественники-то что на это? Почему они так слабо пользуются даже теми демократическими механизмами, которые существуют, и так вяло объединяются друг с другом, чтобы отстаивать свои интересы и на эту власть хоть как-то влиять?

Собирательный портрет российского гражданина мы пытаемся воссоздать вместе с ведущими социологами из Левада-центра: директором центра Львом Гудковым, заведующим отделом социально-политических исследова-

ний Борисом Дубиним и заведующим отделом социально-культурных исследований Алексеем Левинсоном.

□ Существует ли в России общество?

Лев Гудков

В каком-то смысле да. Есть общие символы, общие верования, есть некое ощущение целостности. Но все постигается в сравнении. Если сравнивать с западными устройствами, наше общество очень слабо организовано, в нем очень низок уровень солидарности. Вся целостность удерживается не столько внутренним чувством единства, сколько механически – через структуры государственной интеграции, государственного подчинения.

И в этом смысле мы очень медленно, с большим трудом и неясными перспективами выходим из тоталитарного целого. Когда общества практически не существовало, а была система государственного тотального контроля, организации, распределения. Где государство выступало и работодателем, и полицейским, и воспитателем, и надзирателем за семейными отношениями, и моралистом, и кем угодно.

Ведь что такое общество? Это система устойчивых связей, основанных на солидарности, взаимных ценностях, чувстве сопричастности и взаимных интересах. Подчеркну, что для социологии понятие «общество» лишено измерения власти – это такое объединение, которое не предполагает властных отношений. Если говорить об обществе у нас, то оно

появляется, но оно еще очень слабое и неинтегрированное.

□ Что нас связывает

Лев Гудков

Если говорить об общих ценностях, то я бы разделил их на два принципиальных типа и уровня. Это коллективные ценности – империя, героическое прошлое, власти, которые все удерживают и обо всем заботятся. То есть это уровень коллективных символов. Он в значительной степени декларативный: люди сегодня хотя и разделяют эти ценности, но жертвовать чем-то своим ради того, чтобы их защищать, готовы весьма слабо.

Второй уровень – это те ценности, которые в меньшей степени декларируются, но люди ими руководствуются. Это ценности семьи, отношений с близкими, это консолидация на самом нижнем уровне. Солидарность на таких уровнях – это не просто традиционализм и продукт нашего прошлого, но это еще и тип адаптации к репрессивному государству. Надеяться можно только на своих – на родственников, друзей, коллег по работе. На тех, кому можно доверять, с кем человек вступает в личные отношения. Они являются основным ресурсом существования и выживания. Ценности этого «ближнего» круга гораздо более важны.

Проблема в том, что не возникают, подавлены или не артикулируются ценности промежуточного уровня, которые связаны с публичностью, с более дифференцированными интересами. Сама по себе структура ценностей без этого среднего уровня,

¹ Подготовил А. Липский. 03.04.2008
<http://www.novayagazeta.ru/data/2008/23/11.html>

